

в чрезвычайном нервном волнении. Мамаша, где моя мамаша? Проговорила она, протягивая свои дрожащие руки к нам, и вдруг страшный, ужасный крик вырвался из ее груди, судорога пробежала по лицу ее, и она в страшном припадке упала на пол”.

В “Идиоте” картина припадков используется автором для того, чтобы подчеркнуть драматичность эпизодов, напр., покушение Рогожина на убийство князя, в гостиной у Епанчиных, и т.д. При первой встрече с Епанчиным князь рассказывает о своих припадках: “Если припадки повторялись несколько раз сряду, я впадал в полное оупение, терял совершенно память, а ум, хоть и работал, но логическое течение мысли как бы обрывалось. Больше двух или трех идей последовательно не мог связать сряду... Грусть во мне была нестерпимая...”

“Князь бродил без цели, уединение стало ему невыносимым... вот уже несколько часов он начинал как бы искать чего-то кругом себя... забудет и, вдруг опять оглянется с беспокойством и ищет кругом... ему вспомнилось, что он стоял на тротуаре около одной лавки и разглядывал товар в окне, он думал, не померещилось ли ему, что он стоял пять минут назад перед лавкой, существует ли это лавка?... Он задумался о том, что в эпилептическом состоянии его была одна степень почти перед самым припадком, когда вдруг среди грусти и душевного мрака... мгновениями как бы воспламенялся его мозг и с необыкновенным порывом напрягались разом все жизненные силы его... Ум, сердце как бы озарялись необыкновенным светом; все сомнения, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости и гармонии ...эти проблески были только предчувствием той окончательной секунды, с которой начинался самый припадок. Эта секунда была, конечно, невыносима”. И далее он размышляет: “Что же в том, что это — болезнь? Какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное... чувство полноты, примирения и восторженного молитвенного слияния с самым высшим синтезом жизни?”

Достоевский приписывает своему герою собственные мысли